

Владимир СИЛЛОВ

Революция духа

(Ницше и Маяковский)

«Какие наглецы», — скажут некоторые,
«Они святые» — возразят другие.

В. Хлебников

Все творчество Ницше есть предчувствие и пророчество о наступлении новой эры в жизни человечества; об окончании и начале тех эпох, которые меряются тысячелетиями. Ницше бросил свои предсказания с закрытыми глазами, не ощущая еще явно революции духа, долженствующей произойти на переломе. Как бы в подтверждение Ницше, в России раздалось громовое напоминание о великом перерождении человечества. Этим напоминанием явилось творчество гениального поэта Маяковского.

Ницше указал человечеству громадные пути, ожидающие его, но сам он не вступил на эти пути, потому что Ницше не был деятелем; он, глубоко моральный немецкий буржуа, проповедывал аморальность.

Маяковский — исполнение проповеди Ницше; он разрушает нравственность не проповедью, а самим собой, потому что он сам:

Площадный сутенер
и карточный шулер.

Ницше говорил о «часе великого презрения», когда отвратительными покажутся нам наше счастье, разум и добродетель и в особенности добродетель, потому что она еще «никого не довела до неистовства». Маяковский и есть этот «час великого презрения»; с негодованием отбрасывает он от себя бутафорию старого мира: честность, христианское мироощущение, Бога, нежность...

Первым чувством освобожденного человека является сознание своей необычайной ценности. Очеловечивание мира, — назвали бы мы это чувство. Ницше утверждает, что величайшая ценность — оценка человека самим собой; Маяковский, разрушив психологию человека старого мира, бывшего только «средней формой» между растением и провидением, кричит о новом, у которого каждое движение «огромное необъяснимое чудо». Маяковский берет обыденное, каждодневно-привычное, и волшебным движением «изумительного комка» — сердца, претворяет обыденность в чудо, в праздник живого человека, у которого каждая клетка кричит и поет о своем существовании. И чем же еще быть человеку, как не сплошной песнью и натянутой струной, когда солнце светит только для него, когда в день его рождения (а не Божьего) должна загореться звезда нового Вифлеема.

Когда Заратустра пошел проповедывать о сверхчеловеке, он встретил в саду пустычника, который «смехом, пением, плачем и ворчанием» славил Бога. Заратустра сказал: «этот святой старец еще ничего не слышал в своем лесу о том, что боги умерли».

Боги умерли...

Это формула, значок, но не активное выступление против вечного противника — человека. Вера в Бога основана на чувстве и только ударом по чувству же можно ее уничтожить.

Маяковский делает страшный, по своей наивности и бессознательной полноте удара, подход к религии; он никогда не говорит, что «боги умерли»; наоборот, он оживляет Бога, реализирует его до полного телесного воплощения:

И Бог заплачет над моей книжкой
 Не стихи, а судороги слипшиеся комом
 И побежит по небу с нею под мышкой
 И задыхаясь будет читать своим знакомым.

Или:

Думает Бог, —
 Погоди Владимир!

Вся сила Маяковского в его поединке с Богом заключается в том, что он стоит с Богом «бок о бок», равный с равным.

Вылезу грязный от ночевок в канавах
 Стану бок о бок
 И скажу ему на ухо:
 — Послушайте, господин Бог,
 Как вам не скушно

В облачный кисель
 Ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?
 Давайте, знаете,
 Устроим карусель
 На дереве изучения добра и зла.
 Вездесущий, Ты будешь в каждом шкапу
 И вина такие расставим по столу
 Что захотелось пройтись в ки-ка-пу
 Хмурому Петру Апостолу,
 А в рае опять поселим Евочек
 Прикажи
 Сегодня ночью же
 Со всех бульваров красивейших девочек
 Я натащу тебе.
 Хочешь?
 Не хочешь?
 Мотаешь головой кудлатой?
 Супишь седую бровь
 Ты думаешь этот,
 За тобою крылатый
 Знает, что такое любовь?..
 Я думал Ты всеильный Божище
 А Ты недоучка крохотный божик
 Видишь я нагибаюсь
 из-за голенища
 достаю сапожный ножик.
 Крылатые прохвосты
 жмитесь в раю
 Ерошьте волосы в испуганной тряске
 Я тебя пропахшего ладаном, раскрою
 Отсюда до Аляски
 Пустите, меня не остановите
 Вру я, в праве ли
 Но я не могу быть спокойней...

Это — изумительный по своей тонкой, иронической кощунственности и смелой страстности монолог «Тринадцатого апостола» встретившегося на пути к очеловечиванию мира с рухлядью супящей, седую бровь. Вот они столкнулись: Бог — ветхий, пропахший ладаном, из глаз которого смотрят тысячелетия, и человек, неожиданно ставший Гулливером в своей родной стране. Для мещанина страшен даже не исход этого поединка, а самая возможность стояния «бок о бок». Маяковский не убивает Бога, а очеловечивает его, плевками своими заставляет думать о мести.

«Погоди, Владимир».

Это эллинское понимание божества, обладающего человеческими недостатками, способного бороться с человеком, дает Ма-

яковскому возможность выступить против Бога, против его как существующего, обвинить его в бессилии.

Всемогущий, ты выдумал пару рук
 Сделал, что у каждого голова,
 Так отчего ж ты не мог
 Чтоб было без мук целовать, целовать.

Но пусть даже Бог велик и могущ, что от этого людям.
 В «Мистерии-Буфф» рабочий говорит:

У Бога есть яблоки, апельсины, вишни
 Может весны стлать семь раз на дню
 А к нам только задом оборачивается Всевышний
 Теперь Христом залавливают в западню.

И бессилие и отчужденность Бога от людей порождает утверждение:

Орите в ружья, в пушки басите
 Мы сами себе Христос и Спаситель,
 Мы сами Христос,
 Мы сами Спаситель.
 Не нужно пророков
 Мы все Назареи
 Хватайтесь за мачты
 Скользите на рей...

(«Мистерия-Буфф»).

Этот путь разрушения психологии старого мира и намечивание новой — пройден Маяковским в первой части своей вполне.

Маяковский — это второй и, может быть, самый сильный, после Ницше удар по идолам старого мира. Маяковский — антитезис всех наших устоев и поэтому он завершитель нашей психологии, завершитель, стоящий на грани двух эпох. А дальше в каких-то еще неопределенных красках рисуется человек новых эпох, предтечей которого, может быть, является великий поэт и истый будетлянин Велимир Хлебников.

